

Су Ю подвернула рукава, взяла палочки, но, решив, что этого мало, отбросила их в сторону и принялась хватать свиные ножки прямо руками... При этом она еще умудрялась с блестящими от жира губами спрашивать господина Чжоу:

— Господин Чжоу, ну же, ешьте!

Господин Чжоу, сжимая палочки, застыл на стуле, почти не притронувшись к еде.

— Я... я не голоден! Вы... вы ешьте, ешьте...

Это была отдельная комната, и, кроме этого остолбеневшего господина, никого не было, так что Су Ю вошла во вкус... Соленая куриная ножка — снаружи хрустящая, внутри нежная, от одного лишь надреза пошел ароматный жирок. Запеченная на углях говяжья спинка — нежно-розовое мясо, упругое и сочное. Грудинка в сливовом соусе — сушеные овощи придавали ей пикантность, оставляя долгое послевкусие, а само мясо, наполовину жирное, наполовину постное, таяло во рту. Острый перец с тремя видами овощей — яркое сочетание красного и зеленого, невероятно освежающий вкус. Тушеная рыба голова с перцем — нежное мясо и густой бульон... А до целого запеченного барашка Су Ю даже не успела добраться.

В правой руке палочки, левый рукав закатан. Хватая то одной, то другой рукой, она ела с таким упоением, словно от этого зависела её жизнь. А господин Чжоу всё это время сидел с остекленевшим взглядом, почти не двигаясь, словно его поразило страшное несчастье и душа покинула тело. Даже заказанные им самим яйца с розами и лилиями, а также острая свинина с квашеной капустой были съедены Су Ю. К концу трапезы Су Ю с наслаждением пила чай и вытирала рот платком, вновь обретая тот же светский лоск, что был до подачи блюд. Если бы не гора грязной посуды на столе, господин Чжоу решил бы, что всё это было лишь кошмарным сном... Его душа так и не вернулась на место, и лишь по напоминанию официанта он вспомнил, что нужно расплатиться. Бросив два крупных серебряных слитка, он, словно спасаясь бегством, попрощался с Су Ю и покинул ресторан. О том, чтобы признаться в чувствах, он, конечно же, забыл. И о совместной поездке в Кайфэн больше не было сказано ни слова.

Выйдя из ресторана, Су Ю с чувством глубокого удовлетворения неспешно прогуливалась вдоль озера. После того как она повзрослела, это был первый раз, когда она поела в ресторане с таким удовольствием, исполнив давнее желание. Она чувствовала невыразимую благодарность к господину Чжоу. Подняв голову к луне, она с сожалением подумала: Жаль, что большая часть запеченного барашка осталась, просто больше не влезло... Впервые в жизни узнала, что такое чувство переедания!

Она вспомнила выражение лица господина Чжоу во время обеда и поняла, что, увидев её истинную натуру, он вряд ли сохранит к ней любовный пыл. Почувствовав невероятную легкость, Су Ю невольно вздохнула и горько усмехнулась: И правда, очень эффективно... Стоит проделать то же самое с Цай Сяовэнь. Лучше уж сразу всё закончить. Если она будет воротить от меня нос, мне больше не придется ломать голову над глупостями!

Вернувшись в гостиницу, господин Чжоу всю ночь проворочался без сна, простудился и на следующий день слег с лихорадкой. Узнав от чиновников, что он болен, Су Ю передала ему лекарство от простуды, но сама не показалась. Господину Чжоу требовался покой, поэтому он не мог заниматься делами, переданными Гуань Тао, и лишь лежал в комнате, погруженный в забытие. В его снах больше не было Су Ю, зато несколько раз являлась та нежная и прекрасная барышня, которая так мило икала после чаепития...

Приближался Новый год. Семьи готовились к празднику, закупаая товары и избавляясь от старой утвари. В гончарной лавке семьи Су дела шли полным ходом. Су Ю с утра до вечера пропадала в мастерской. Мысли о том, чтобы покончить с чувствами к Цай Сяовэнь, в этой суете отошли на второй план. Наступил вечер. Су Ю, волоча ноги от усталости, возвращалась домой. Выйдя из повозки, она толкнула дверь и обессиленно позвала:

— Фэнлин... Фэнлин...

Никто не ответил. Пройдя несколько шагов, Су Ю оказалась в гостиной. На двери висел огромный замок.

Су Ю удивилась, достала ключ: Неужели мама и Фэнлин ушли?

Раз дома никого, надо поискать записку. Оглядевшись, она нашла её на чайном столике. Развернув, прочла:

Я уехала в Линьчэн, там последние в этом году соревнования по маджонгу. Фэнлин поехала со мной, чтобы присматривать за мной. Вернемся через три дня. Все деньги из дома я забрала. Тебе запрещено есть вне дома, это негигиенично. Старик Цай тоже взял с собой Сяо Юань на маджонг, так что эти три дня ходи обедать к Сяовэнь. Выиграю денег — вернусь и куплю тебе мясных лепешек.

Твоя матушка.

— ... — Су Ю дернула уголок рта, подражая Фэнлин, и долго не могла вымолвить ни слова: Мама! То, что я хотела всё закончить, было лишь моими мыслями! Не нужно было создавать для меня такие возможности... Я ведь еще не приняла окончательного решения!

Пока Су Ю, оставшись без гроша в кармане, размышляла, пойти ли побираться к Цай или лечь спать голодной, Цай Сяовэнь в своей спальне неспешно рисовала эскиз. Ранее мастер Цай просил Сяо Юань купить ночной горшок, но тот не пошел. Сяовэнь решила сделать его сама, чтобы не тратить деньги. Этот рисунок был как раз для горшка. Как и писала госпожа Су, мастер Цай с Сяо Юань уехали в Линьчэн. Цай Сяовэнь, как и Су Ю, эти три дня была одна дома. В отличие от бедняжки Су Ю, которой не на что было купить еды, Сяовэнь наслаждалась свободой и была необычайно довольна. Она не торопилась ужинать, решив сначала закончить рисунок, а потом сварить лапшу с говядиной.

Поставив последнюю точку, она подняла лист бумаги, любуясь эскизом причудливого плоского сосуда, и, болтая ногами на высоком стуле, с гордостью подумала: Вот именно, зачем гончарам покупать горшки? Проще же сделать самому. М-да! Красиво, очень красиво, так и сделаю...

В этот момент раздался стук в дверь.

— Хм? Папа что-то забыл? — Она накинула верхнюю одежду, поспешно всунула ноги в ватные туфли и побежала открывать.

— Папа?!

Су Ю, одной рукой придерживаясь за живот, а другой за косяк, смеялась так, что не было сил стоять: Даже если ты и в самом деле моя крестница, называть меня папой как-то...

Цай Сяовэнь никак не ожидала увидеть на пороге Су Ю. Слово папа уже сорвалось с губ, и вернуть его назад было невозможно. Сяовэнь была так раздосадована и пристыжена, что ей хотелось вытолкнуть Су Ю за дверь и захлопнуть её, чтобы сделать вид, будто ничего не было. Но, отбросив эту мысль, она заметила странное состояние гостьи.

— Тебя что... побили? — Цай Сяовэнь спросила это с долей любопытства и легкого беспокойства, хотя в её тоне проскользнуло злорадство.

— Да нет же... Я проголодалась, у тебя есть что поесть? — На самом деле Су Ю решила не идти к Сяовэнь. Перетерпела бы голод до утра, а там сходила бы в лавку за деньгами. Но... она знала, что не выдержит.

После того как Су Ю в прошлый раз жестко её разыграла, Сяовэнь затаила обиду. Увидев теперь эту вредную Ю, которая, поиздевавшись над ней, еще имеет наглость приходить просить еды, она гордо вскинула подбородок:

— У тебя дома еды нет?

— Мама уехала с Фэнлин на маджонг. Она велела мне найти тебя... Ты же знаешь, мастер Цай тоже уехал...

— Мастер велела прийти? Доказательства есть? — Сяовэнь уцепилась за этот повод. Она уперла руки в бока, даже не заметив, что в спешке надела туфли не на ту ногу.

Су Ю уныло протянула записку госпожи Су. Сяовэнь при свете луны внимательно её изучила, посторонилась и, надув губы, пробурчала:

— Хм, входи.

Сяовэнь провела обессиленную Су Ю в свою спальню и указала на три деревянных стула:

— Садись, я пойду готовить. — Она развернулась и ушла. Злость еще не прошла, и называть её старшей сестрой не хотелось.

Су Ю села, глядя вслед Сяовэнь, и усмехнулась:

— Не утруждайся слишком сильно, я много не съем. — Она знала характер Сяовэнь, и сейчас сказать обратное было лучшим решением.

Сяовэнь, уходя, довольно хмыкнула: Знаю я, что ты много не ешь. А я назло приготовлю побольше, чтобы ты не смогла всё съесть и тебе стало ужасно стыдно! Отомщу за тот день, хм!

Оставшись в комнате одна, Су Ю огляделась. Каждый год на Новый год она приходила к Цай Сяовэнь поздравлять её. Она бывала здесь несколько раз, но всегда мельком, никогда не рассматривала так внимательно. Обстановка была простой, но необычным было то, что на столах, полках и шкафах стояли самые разные керамические изделия. Их формы были настолько уникальными, что на рынке такие вряд ли продашь. Осмотрев всё, Су Ю остановила взгляд на маленьком кувшинчике в форме поросенка. Она взяла его в руки, повертела. Качество глины отличное, форма милая и не такая уж странная, просто широкой публике такое трудно понять. Су Ю уткнулась носом в пяточек поросенка и горько усмехнулась: Видимо, сама судьба велела мне прийти сюда, чтобы всё закончить... Ладно... Буду просто хорошей старшей сестрой и добьюсь того, чтобы твои кувшинчики выставлялись во дворце!

Первое блюдо было готово — тушеный картофель с ребрышками. Цай Сяовэнь внесла дымящуюся тарелку, собираясь попросить Су Ю помочь, но увидела, что та, положив голову на стол, уже уснула. Сяовэнь тихо поставила тарелку, постояла рядом, глядя на неё, и тихо вздохнула: Эх, нелегко быть первой ученицей Юйфэна... Как же она так вымоталась? И государственными делами заниматься, и лавкой управлять, нелегко ей... Сяовэнь, подражая взрослым, покачала головой, на цыпочках подошла к вешалке, сняла свое пальто и накрыла им Су Ю. Только сейчас она заметила, что надела туфли не на ту ногу, и поспешно переобулась, с облегчением подумав: Хорошо, что Ю спит и не видит, а то опять бы смеялась...

Когда дверь снова открылась, ворвался холодный ветер. Су Ю вздрогнула и проснулась. Подняв голову, она увидела Цай Сяовэнь, которая с испариной на лбу несла фарфоровую супницу. Су Ю, уставшая и голодная, в тепле комнаты не выдержала и провалилась в сон. Теперь она почувствовала, что её что-то греет, и, схватившись рукой, обнаружила пальто.

— О! Одежду положи на стул. Ужин как раз готов, садись есть. — Сяовэнь пнула дверь, закрывая её, поспешно поставила супницу и схватилась за уши: — Горячо!

Су Ю крепко сжимала пальто Сяовэнь, чувствуя, как от тепла становится больно на сердце. Она молча сложила пальто и положила на стул. Заглянула на стол: тушеный картофель, яичница с луком, ребрышки в кисло-сладком соусе, говядина с чесночным соусом, тефтели, свинина с квашеной капустой, а в центре — суп из курицы с грибами. Курица целая, порции огромные — это точно не то, что могут съесть две девушки.

Су Ю посмотрела на Сяовэнь, которая сутилась, накладывая рис из деревянной кадушки, и горько усмехнулась: Сяовэнь, сегодня я не буду притворяться. Надеюсь, твое выражение лица потом не заставит меня слишком сильно страдать...

Взяв из рук Сяовэнь рис, Су Ю принялась за еду. Блюда были вкусными, рис ароматным, но на душе у неё было тяжело. Она надеялась, что после этого ужина сможет отпустить все свои мысли, но теперь, когда момент настал, ей было очень жаль расставаться. Она не смела поднять глаз на Сяовэнь, боясь, что, посмотрев, снова начнет терзать себя сомнениями... Но решение было принято. Она не стала демонстративно много есть, как перед господином Чжоу, а просто молча съедала всё, что хотела...

Сяовэнь подумала, что Су Ю привыкла есть молча, поэтому тоже не стала начинать разговор. Она жевала, представляя, как Су Ю будет извиняться, когда не сможет доесть весь этот стол. Но когда она опомнилась, тарелки были почти пусты, кадушка с рисом тоже, от курицы в супнице осталась лишь половина, сиротливо лежащая в остатках бульона... Сяовэнь протерла глаза и уставилась на Су Ю, хотя уже понимала, что извиняющегося выражения лица не увидит...

Что это за выражение?! Сяовэнь застыла с палочками в руках, не понимая, что произошло. А напротив сидела Су Ю и смотрела на неё с невыразимым выражением лица, рядом с миской лежала гора костей.

Сяовэнь посмотрела на пустые тарелки, на пустую кадушку, на половину курицы, нахмурилась и опустила голову, словно о чем-то напряженно размышляя. Су Ю тоже молчала, ожидая с горечью и печалью.

Прошло много времени. Сяовэнь подняла голову. Она почесала затылок и с полным раскаяния лицом спросила:

— Ты еще хочешь?

— ...Э?

— ... — Столкнувшись с таким вопросом, Су Ю захотела ударить себя в грудь сто раз, чтобы сначала выплюнуть кровь. — Ты не думаешь... что этого стола было немало?!

Сяовэнь приоткрыла рот, снова посмотрела на пустые тарелки и кадушку, на половину курицы и, внезапно осознав, стукнула по столу:

— О! О!

Су Ю вздрогнула:

— Что за дела?!

— Я всё думала, что не так! Оказывается, ты съела так много! — Сяовэнь только сейчас поняла. Но тут же запуталась... Она ведь специально приготовила побольше, чтобы Су Ю не смогла доесть и смутилась, а в итоге смущенной оказалась она сама?

— Я! — Су Ю была так возмущена её медлительностью, что даже почувствовала себя обиженной, но тут же вспомнила о своей цели. Нужно же закончить... Но, начав говорить, она не удержалась и оставила лазейку: — Я... я обычно столько не ем... Просто проголодалась. Поэтому съела больше... — И это было правдой. Хотя Су Ю не объелась, но столько она действительно съела отчасти намеренно.

— О? — Сяовэнь неопределенно хмыкнула, взяла тарелку с остатками яичницы, слила соус в свою миску, смешала с остатками риса и жадно съела. Затем отложила палочки и указала на курицу в супнице: — Это мы завтра утром съедим с лапшой.

— Э? — Теперь пришла очередь Су Ю теряться. Она начала сомневаться, на одной ли они волне. — Э? А еще?

— А еще что? Разве лапша с куриным супом — это плохо? Я просто сварю побольше лапши. Положу грибов, будет очень вкусно.

— Нет! Я говорю... я съела так много... тебе не кажется это... ну, странным?

Сяовэнь встала, собрала тарелки в стопку и, держа в руках четыре палочки, начала смеяться. Су Ю, видя, что она не может остановиться, помрачнела и отвернулась к невинному кувшинчику-поросенку:

— Тебе смешно, да...

— Нет-нет. — Сяовэнь смела остатки костей в пустую миску и продолжала улыбаться: — Для того, кто готовит, самое большое счастье — видеть, что всё съели.

Су Ю, которая заставляла себя смотреть на поросенка, услышав это, резко вскинула голову и завороченно уставилась на Сяовэнь, которая споро убирала со стола.

— Чего смотришь? Помогай убирать миски.

— ...Угу! Угу!

Они убрали посуду и протерли стол. Сяовэнь заботливо заварила зеленый чай в кувшинчике-поросенке. За окном завывал ветер, а в комнате было тепло. Они сидели друг напротив друга при свете одной свечи. Су Ю показалось, что эта сцена очень знакома, словно они дома. Но из-за того, что напротив вместо Фэнлин была Сяовэнь, сердце Су Ю забилося чаще. Она невольно взяла кувшинчик и с интересом наблюдала, как чай течет из пяточка поросенка в её чашку, и вдруг сделала открытие.

— Э? Сяовэнь, ты заметила? Пятачок слишком маленький, чайники застревают и не вытекают вместе с чаем.

Сяовэнь взяла кувшинчик и удивилась:

— Правда? Я никогда не замечала. — Она налила себе чаю и радостно сказала: — И правда! Это даже удобно... Э? А почему чай не льется?

— Дай посмотрю. — Кувшинчик переключал к Су Ю, она слегка потрясла его и снова налила воду. Она постучала пальцем по щеке, размышляя: — Наверное, чайники забили отверстие. Но если бы они не забивали отверстие и при этом не вытекали — это было бы удобно...

— Ой!

Су Ю снова испугалась внезапного крика Сяовэнь:

— Что за дела?!

— Я вдруг вспомнила кое-что! — Су Ю, пораженная серьезным выражением лица Сяовэнь, поспешила спросить:

— Что случилось?

— У тебя дома нет маленькой печи?

— Э... да, у нас двор маленький. Печь на окраине.

— А твой кан соединен с кухней?

Су Ю не понимала, к чему клонит Сяовэнь, и была в замешательстве:

— Да... а что?

— Значит, сегодня вы не готовили, огня не жгли, кан холодный!

— Э... — Выражение лица Су Ю менялось очень часто. То, что кан холодный, она не подумала. Она отпила чаю, не придавая этому значения: — Наверное...

— Точно холодный! — Сяовэнь озадаченно почесала щеку и придумала выход: — Беги скорее за полотенцем и халатом. Сегодня будешь спать со мной.

— Пф... кхе-кхе-кхе...

Она снова поперхнулась.

Ночь становилась всё глубже. Свечу в комнате погасили. Тени деревьев, раскачивающиеся за

окном, отражались на бумаге оконных рам. Су Ю лежала с открытыми глазами, сна не было. Сяовэнь, лежавшая рядом в своем одеяльном коконе, ворочалась, как рыба. Су Ю умылась горячей водой, которую подготовила Сяовэнь, и с комфортом забралась на теплый кан. Одеяло было мягким, видно, недавно сушилось на солнце, от него пахло теплом. Всё было прекрасно. Только... спать не хотелось.

Сяовэнь, наконец найдя удобную позу, высунула голову из одеяла, подперла подбородок руками и повернулась к Су Ю:

— Старшая сестра?

Су Ю была погружена в свои мысли. Она винила эту глупую мошку в том, что она такая бестолковая, из-за чего она не может принять решение и всё закончить... Ведь реакция господина Чжоу была вполне нормальной... Раз так, её желание отпустить чувства внезапно поколебалось. Она не знала, что делать.

— Старшая сестра? — Сяовэнь настойчиво позвала снова. И правда, Су Ю лежала с открытыми глазами, даже кувшинчик-поросенок не поверил бы, что она спит.

— А... а? — Су Ю наконец услышала и поспешно отозвалась.

— Хи-хи, о чем думаешь?

— Ни о чем... ни о чем...

Сяовэнь легла, повернулась на бок к Су Ю и тихо сказала:

— Кстати, хоть мы и сестры по учению, но спим на одном кане впервые, да?

Су Ю закрыла глаза, пытаясь унять бешеный стук сердца, и ответила:

— Угу. Раньше вместе не ночевали.

— Ой, повернись же ко мне! — Сяовэнь протянула руку и обняла Су Ю за плечи. Су Ю, вся напрягшись, была вынуждена повернуться лицом к Сяовэнь, её голос дрожал:

— Ты... что ты делаешь?!

Сяовэнь прыснула со смеху:

— Ха, ничего особенного. Раз уж такой случай, давай поговорим. Старшая сестра ведь не родилась в Юйфэне?

Расстояние между их носами было не больше ширины двух одеял, Су Ю чувствовала ровное дыхание Сяовэнь.

— Нет... я родилась в Цзянся. Мой отец был оттуда. — Когда отец Су Ю скончался от болезни, она вместе с матерью переехала из Цзянся в Юйфэн, и вот уже прошло десять лет.

— Цзянся... это далеко, да? — Для Сяовэнь, которая редко покидала Юйфэн, это было чем-то невообразимым. — Я почти не выезжала из Юйфэна. Только несколько лет назад с отцом ездила в Исин к учителю учителя. Видела его всего раз.

— Я тоже видела его всего раз.

Сяовэнь оживилась и начала выпытывать:

— Старшая сестра, что он тебе сказал?

Су Ю только сейчас смогла немного расслабиться.

<http://bllate.org/book/18936/1855598>